

УДК 343.13

**ВНОВЬ О СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЯХ
(В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА
ОДНОЙ ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ).
Часть третья, заключительная¹**

Елена Александровна Зайцева

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
zaitceva-expert@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе ранее высказанных в научных публикациях автора позиций о правовой природе специальных познаний, особенностях правового положения лиц, ими обладающих, о формах применения и использования специальных познаний анализируются изложенные в докторской диссертации Е. П. Гришиной концептуальные подходы к базовым аспектам уголовно-процессуального учения о специальных познаниях и сформулированные на их основе предложения по совершенствованию уголовно-процессуального закона. Автором исследуются презентованные Е. П. Гришиной новеллы относительно совершенствования процессуального статуса специалиста, закрепления отдельных статусных норм для педагога, сведущего свидетеля. Критически оценивается примененный при этом подход, основанный на выделении в качестве самостоятельных процессуальных фигур таких участников уголовно-процессуальных отношений, как педагог, психолог. Аргументируется ошибочность ассоциирования специалиста как участника уголовного процесса с должностным лицом, проводящим предварительные исследования и исследования объектов за рамками процессуальных отношений. Доказывается нецелесообразность наделения специалиста при производстве судебной экспертизы правами, характерными для лиц, имеющих в деле собственный или представляемый интерес.

Ключевые слова: специальные познания, сведущие лица, специалист, учение о специальных познаниях, правовой институт специалиста, правовой институт судебной экспертизы, педагог, психолог, сведущий свидетель

Для цитирования: Зайцева Е. А. Вновь о специальных познаниях (в контексте анализа одной докторской диссертации). Часть третья, заключительная // Судебная экспертиза. 2026. № 1 (85). С. 92–102.

© Зайцева Е. А., 2026

¹ Окончание. Предыдущие части статьи (первая и вторая) выходили в журнале «Судебная экспертиза» в номерах 3 и 4 за 2025 г.

**AGAIN ON SPECIAL KNOWLEDGE
(IN THE CONTEXT OF ANALYSIS OF ONE DOCTORAL THESIS).**

Part three, final

Elena Alexandrovna Zaitseva

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
zaitseva-expert@rambler.ru

Abstract. Based on the positions previously expressed in the author's scientific publications on the legal nature of special knowledge, the specifics of the legal status of persons who possess it, and the forms of application and use of special knowledge, the article analyzes the conceptual approaches to the basic aspects of the criminal procedural doctrine of special knowledge and the proposals formulated on their basis to improve the criminal procedure law. The author examines the presented E. P. Grishina's novels on improving the procedural status of a specialist, fixing certain status norms for a teacher, a knowledgeable witness. The approach used in this case is critically evaluated, based on the identification of such participants in criminal procedural relations as a teacher and a psychologist as independent procedural figures. The author argues that it is erroneous to associate a specialist, as a participant in the criminal process, with an official who conducts preliminary research and studies of objects outside the framework of procedural relations. It proves the inexpediency of granting a specialist in the conduct of a forensic examination the rights characteristic of persons who have their own or represented interests in the case.

Keywords: special knowledge, knowledgeable persons, specialist, the doctrine of special knowledge, the legal institute of a specialist, the legal institute of forensic expertise, teacher, psychologist, knowledgeable witness

For citation: Zaitseva E. A. Again on special knowledge (in the context of analysis of one doctoral thesis). Part three, final. Forensic Examination, 92–102, 2026. (In Russ.).

Предыдущие наши публикации в серии «Вновь о специальных познаниях...» были посвящены анализу концептуальных подходов Е. П. Гришиной к определению правовой природы специальных познаний, сущности категории «сведущие лица», к обеспечению баланса частного и публичного начал в уголовном судопроизводстве в ходе использования специальных познаний. Любой «теоретический продукт», которым а priori должна выступать каждая диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук, наряду, собственно, с теоретическими конструктами, формирующими основу авторской концепции, содержит в себе прикладной аспект в виде проецирования этих научных разработок в плоскость решения частных вопросов совершенствования тех или иных правовых институтов. «Концепция использования специальных познаний в контексте осуществления публичного и частного начал российского уголовного судопроизводства», сгенерированная Е. П. Гришиной, отражает ее научную позицию по трем самостоятельным научным проблемам, выделенным автором в качестве ключевых, каковыми выступают: 1) «учение о специальных познаниях»; 2) «доктрина об общем и частном началах уголовного судопроизводства»;

3) «парадигма... использования специальных познаний в уголовно-процессуальной деятельности в целях достижения оптимального соотношения (в идеале – баланса) публичного и частного начал российского уголовного судопроизводства» [1, с. 179]. Анализу первого, обозначенного выше, блока были посвящены наши предыдущие публикации. Второе направление выходит за рамки тематической направленности журнала «Судебная экспертиза», в связи с чем исследоваться нами не будет. Поэтому в настоящей статье мы *sine ira et studio* сосредоточим внимание на видении Е. П. Гришиной парадигмы «использования специальных познаний в уголовно-процессуальной деятельности в целях достижения баланса публичного и частного начал российского уголовного судопроизводства» [1, с. 179]. Именно эти разработки автора отражают наряду с научной аргументацией тот самый прикладной аспект, который демонстрирует утилитарную полезность и практикоориентированность теоретических изысканий создателя концепции.

Учитывая, что парадигма являет собой *систему* фундаментальных представлений, идей, естественно, что авторское ее видение включает в себя научные позиции по различным аспектам использования специальных знаний сквозь призму достижения искомого баланса частного и публичного начал. Соответственно, мы попытаемся проанализировать именно те аспекты, которые, по нашему глубокому убеждению, либо противоречат традиционным основам современного учения о специальных познаниях, либо представляются нам недостаточно аргументированными.

Одним из таких моментов, приковавших наше внимание, является вопрос о **несудебной экспертизе**, который затрагивает в контексте расширения частных начал Е. П. Гришина. Безусловно, несудебная экспертиза – реальный механизм внедрения состязательности в процедуры использования специальных познаний в уголовном процессе, о чем мы также писали ранее [2, с. 498–499; 3, с. 45–50]. Несудебная экспертиза *de facto* существует, чему способствует расширение рынка экспертных услуг, которое мы всегда оценивали как позитивный тренд. Однако *de jure* в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве этот феномен не нашел отражение, что актуализирует проблему адекватного обозначения в тексте закона основных признаков несудебной экспертизы, позволяющих четко очертить ее правовую природу в сравнении с ее процессуальным «антиподом» – судебной экспертизой.

Что же по этому поводу предлагается в анализируемом нами диссертационном исследовании Е. П. Гришиной? По справедливому замечанию автора, именно несудебная экспертиза может «составить „конкуренцию“ судебной экспертизе» [1, с. 240], однако для этого следует регламентировать ряд аспектов: она считает необходимым решить вопрос с предупреждением несудебного эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Достойным вариантом урегулирования обозначенной проблемы ей представляется добровольное принятие на себя этим лицом обязательства признавать «факт предупреждения об этой ответственности и удостоверить подобное обстоятельство личной подписью на бланке заключения эксперта» [1, с. 240]. В этом предложении нам видятся аллюзии на процедуру указания самим заявителем в письменном заявлении о преступлении, что он предупрежден об уго-

ловной ответственности за заведомо ложный донос, когда он отправляет такое заявление по почте. Но является ли добровольное указание данного обстоятельства частным лицом в документах, составляемых им самостоятельно, фактом предупреждения его об уголовной ответственности, порождающим юридические последствия? Как свидетельствует судебная практика, суды признают таковым фактом только случаи, когда лицо «в установленном порядке предупреждено об уголовной ответственности по статье 306 УК РФ (курсив наш. – Е. З.)», на что указывал в п. 20 постановления № 20 от 28 июня 2022 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ)¹. Именно отсутствие в материалах уголовного дела подтверждения соблюдения *установленного порядка* предупреждения заявителя послужило для Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ основанием к отмене обвинительного приговора в этой части (ч. 2 ст. 306 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)²) и к оправданию М. Б. Никитиной согласно п. 2 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)³ за отсутствием в деянии состава преступления⁴.

Установленный порядок предупреждения об уголовной ответственности за заведомо ложный донос предусматривает *официальную процедуру* с участием *публичного субъекта* (лица, уполномоченного принимать заявление) по правилам ч. 6 ст. 141 УПК РФ. *Официальная процедура* предусмотрена и для предупреждения об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, за дачу заведомо ложных показаний, за разглашение данных предварительного расследования. Поэтому видится, что предложенный Е. П. Гришиной вариант «самопредупреждения» явно противоречит публичному характеру возникающих правоотношений, соответственно, он не может быть принят в качестве перспективной процедуры, способной «существенно расширить границы использования экспертных познаний в уголовном судопроизводстве» [1, с. 242]. В равной мере вышеизложенная нами аргументация может быть применена и к идее Е. П. Гришиной в части *получения защитником у специалиста «письменного обязательства о неразглашении данных предварительного расследования»*, которое также со всей очевидностью демонстрирует неправильный акцент в определении баланса частного и публичного при использовании специальных

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 9.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025, с изм. от 17.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Российская газета. 2025. 25 дек.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 17.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; Российская газета. 2025. 25 дек.

⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 2022 г. № 73-УД22-7-К8. Документ опубликован не был // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

познаний, в установлении разумных границ действия публичного начала в данных правоотношениях [1, с. 439].

Однако она также полагает, что проблему несудебной экспертизы можно решить, дополнив УПК РФ «нормой, устанавливающей порядок использования в доказывании заключений несудебных экспертиз» [1, с. 242], и в качестве такой ею сформулирована следующая новелла, которая, по нашему глубокому убеждению, не имеет никакого смысла ввиду формальности и неопределенности содержащегося установления:

«Статья 89.1 Использование в доказывании заключений несудебных экспертиз

В процессе доказывания допускается использование данных несудебных экспертиз, если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом» [1, с. 476].

Думается, решить проблему несудебной экспертизы может только норма, включающая в себя определение правовой природы этого юридического феномена с указанием условий, когда возможно проведение данной экспертизы, а также правил, определяющих допустимость ее результатов в качестве доказательств (как это предложено нами в одной из работ [2, с. 498–499]).

Кроме проблематики несудебной экспертизы, Е. П. Гришина анализирует непростой вопрос о месте **справок об исследовании** в системе уголовно-процессуального доказывания. В ее понимании справки об исследовании дает участник уголовного процесса – *специалист*, который осуществляет экспресс-исследования (в том числе на месте происшествия)¹. Такое видение связи категорий «специалист» – «справка об исследовании» – «экспресс-исследование» может быть признано правильным только в случае употребления термина «специалист» *не в уголовно-процессуальном поле, без распространения на данное лицо статуса, закрепленного в ст. 58 УПК РФ*. То, что лицо, проводящее предварительные исследования и исследования объектов, наделяется иным правовым статусом – вещь очевидная, вытекающая из правовой природы норм, регулирующих деятельность данных сведущих лиц, и отраслевой принадлежности возникающих в связи с этим административных или оперативно-розыскных отношений². Тем не менее указанное обстоятельство не препятствует Е. П. Гришиной предложить путь решения проблемы справок об исследовании, основанный на игнорировании межотраслевых различий деятельности

¹ Автор при этом не апеллирует к нормативно-правовой базе экспертных подразделений системы МВД России, сотрудники которых как раз и проводят предварительные исследования и исследования объектов в рамках административных и оперативно-розыскных процедур, не принимает в расчет, что предварительные исследования в этом случае осуществляются лицами, не являющимися участниками уголовно-процессуальных отношений. Это упущение приводит автора к ошибочным ассоциациям данных лиц со специалистами в смысле ст. 58 УПК РФ.

² Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России: приказ МВД России от 11 января 2009 г. № 7 (в ред. Приказа МВД России от 09.03.2023 № 126). Пп. 41, 42, 55 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей; Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025). П. 5, ч. 1, ст. 6 // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; 2025. № 14. Ст. 157.

сведущих лиц: она считает целесообразным «переведение акта (справки) предварительного исследования специалиста из разряда непроцессуальных документов в процессуальные посредством придания ему статуса иного документа» [1, с. 246–247] с указанием такого статуса в отдельной части 3 ст. 84 УПК РФ «Иные документы».

Относительно данного предложения возникает пара закономерных возражений:

1) справки об исследовании (а именно так они называются в упомянутом «Наставлении по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России») и так а priori являются документами в смысле ст. 84 УПК РФ, так как обладают всеми необходимыми признаками документа-доказательства, поэтому данное нормативное дополнение видится нам избыточным;

2) выделение отдельной части 3 в данной статье «под нужды» справок об исследовании будет «несправедливым» по отношению к результатам других непроцессуальных форм применения специальных познаний (актам ревизий, документальных проверок, актам судебно-медицинских освидетельствований, заключениям аудиторов и др. [4]), которые также вовлекаются в уголовно-процессуальное доказывание в качестве документов-доказательств.

Следует согласиться с утверждением Е. П. Гришиной, что «Правовое регулирование участия специалиста в уголовно-процессуальной деятельности представляется поверхностным и непоследовательным» [1, с. 293], однако предложенный ею путь оптимизации его статуса в уголовном процессе видится нам недостаточно логичным и обоснованным.

Отметим далее, что значительный пласт материала в работе Е. П. Гришиной в контексте баланса частного и публичного начал посвящен **проблематике прав личности** в ходе использования специальных познаний. И здесь тоже есть очевидные позиции, с которыми хотелось бы выразить свое несогласие.

Применительно к судебно-психиатрической экспертизе, помещению лица в стационар автор высказывает следующие суждения: «Принудительное, на основании судебного решения, помещение лица в медицинский или психиатрический стационар затрагивает наиболее значимые, естественные, присущие индивидууму от рождения, неотчуждаемые права и свободы. *Отрешенность ст. 29, 165, 203 и ст. 435 УПК РФ* от важнейшей юридической проблемы – разумного, оправданного и законного ограничения прав личности, существенно усложняет защиту прав участника процесса, в отношении которого принимается данное решение» [1, с. 260]. Отметим, что вряд ли наличие судебной процедуры ограничения прав личности, зафиксированной в упомянутых ею статьях, можно оценивать как *отрешенность* этих нормативных установлений от разумного и оправданного правоограничения. Наоборот – это общепризнанный мировым сообществом демократический стандарт «вторжения» публичных интересов в сферу конституционных прав и свобод граждан.

Далее, расширение частных начал автор видит в **предоставлении специалисту ряда прав при назначении и производстве судебной экспертизы**, которые регламентированы в ст. 198 УПК РФ для лиц, имеющих в деле собственный или представляемый интерес. Обычно законодатель наделяет участников судопроизводства адекватным инструментарием для отстаивания таких ин-

тересов, параллельно выстраивая систему обязанностей для властных субъектов, которые должны создать условия для беспрепятственной реализации указанных прав в законном формате. Интерес в деле (или локально – в ходе производства экспертизы и ее результатах) – вот критерий введения участника уголовного процесса в группу лиц, наделенных правами согласно ст. 198 УПК РФ. Эта закономерность прослеживается даже при анализе производства экспертизы в отношении свидетеля, на что обращает внимание Пленум ВС РФ: «Свидетель пользуется такими же правами, как и потерпевший, *лишь при условии назначения и производства судебной экспертизы в отношении его самого*»¹. Возникает вопрос: *зачем предоставлять специалисту права* знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, а также знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта, *если он не имеет своего интереса и не представляет в деле чужой интерес?* Если специалисту, оказывающему консультационные услуги стороне, понадобится ознакомиться с соответствующими процессуальными документами, пригласивший его защитник, представитель или другой упомянутый в ст. 198 УПК РФ участник, передаст в его распоряжение необходимые процессуальные акты.

А вот кого следовало бы соответствующими правами наделить, включив в перечень субъектов, на которых распространяются положения ст. 198 и 206 УПК РФ, так это гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей и законных представителей (о них Е. П. Гришина не упоминает). Именно эти лица имеют в деле самостоятельный правовой интерес либо представляют чужие правовые интересы. В то же время судебная экспертиза (даже судебно-медицинская, судебно-психиатрическая, не говоря уже о товароведческой или автотехнической) напрямую может касаться этих интересов, что актуализирует вопрос о нормативной фиксации прав указанных субъектов в связи с назначением и производством судебной экспертизы.

Расширение частного начала видится данному автору и во введении в уголовный процесс новых **самостоятельных уголовно-процессуальных фигур – врача, педагога и сведущего свидетеля**, для которых предлагаются самостоятельные статусные проектные нормы. В отношении подхода к «клонированию» разных процессуальных «ипостасей» специалиста по профессиональному признаку мы высказали критическую аргументацию ранее, во второй статье нашего цикла [5]. Тем не менее попробуем еще привести дополнительные обоснования нашего настороженного отношения к подобным новациям.

Относительно врача, которого автор признает «неклассическим специалистом» [1, с. 277], предлагается ввести в УПК РФ новую статью 57.1, где в тексте следует указать на наделение данного субъекта «правами, предусмотренными ч. 3 ст. 58 УПК РФ». Возникает вопрос: зачем в уголовный процесс вводить нового участника, реализующего ту же функцию (содействия правосудию [6, с. 15]) и наделенного для ее полноценной реализации таким же набором прав, что

¹ О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 (ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 2.

и специалист? Смысла в подобной новации нет, так как она не улучшает процессуального положения специалистов, обладающих медицинскими познаниями, не создает дополнительных гарантий обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, нуждающихся в их помощи. Наоборот: такая новелла «плодит сущности» в уголовно-процессуальном законе в противоречии с принципом экономии нормативного материала.

Сходные претензии можно высказать и в связи с предложением Е. П. Гришиной закрепить в отдельной статье статусную норму о педагоге [1, с. 300, 475]. Примечательно, что перечень прав нового участника (педагога) практически совпадает с набором процессуальных возможностей специалиста, за исключением права в п. 1 ч. 3 ст. 58 УПК РФ: в данном пункте указано, что специалист вправе «отказаться от участия в производстве по уголовному делу, если он не обладает соответствующими специальными знаниями», а в авторской проектной норме предусмотрено право «знать, с какой целью и для участия в каком следственном действии он вызван». Запреты и ответственность этого субъекта в видении автора идентичны установлениям, закрепленным действующим УПК РФ для специалиста.

Интересна и другая «новация» Е. П. Гришиной, сгенерированная для психолога: она не вводит для него самостоятельную статусную норму, а в той же своей ст. 58.1, посвященной педагогу, в двух последних частях пишет о психологе, наделяя его теми же правами и устанавливая тот же набор запретов и ответственности, что и для педагога. В данном случае комментарии являются излишними...

Не менее занимательными в этом контексте видятся предложения автора о закреплении в законе статуса сведущего свидетеля. Фигура сведущего свидетеля, как мы полагаем, должна *вычлняться не по нормативной регламентации*: его процессуальное положение вполне вписывается в нормативную модель участия в деле обычного свидетеля. Однако *ее самобытность выявляется именно с точки зрения тактики допроса данного лица и правил оценки его показаний*. В тактическом аспекте сведущий свидетель – ценное обретение, потому что данное лицо не просто выдает информацию, как механический «отражатель» соответствующего сигнала, а интерпретирует эту информацию с позиций своих специальных знаний, что придает получаемой от него информации особенную окраску. Аргументация потребности в такой фигуре давно уже обоснована в профильной научной литературе [7, с. 99; 8, с. 29]. Именно данный необычный – «сведущий свидетель» – это процессуальная возможность участвовать в уголовно-процессуальном доказывании сведущим лицам, которые применяли свои специальные познания в непроцессуальной форме (ревизоры, аудиторы, налоговые инспекторы, сотрудники бюро судебно-медицинской экспертизы, которые «снимали побои», независимые – частные эксперты, сотрудники экспертных подразделений МВД России, которые проводили предварительные исследования и исследования объектов). Это также реальный механизм введения в доказывание показаний очевидцев или просто свидетелей, обладающих специальными познаниями, необходимыми для интерпретации воспринятого ими криминального события. Однако *выделять отдельной нормой такого участника смысла нет*, достаточно (с точки зрения экономии норма-

тивного материала) обозначить особенности допроса такого лица с участием специалиста, который поможет следователю в ряде случаев разобраться с терминологией или сориентировать последнего в вопросе достаточной осведомленности и компетентности сведущего свидетеля в предмете допроса [2, с. 292–294].

Чем же отличается подход Е. П. Гришиной в решении этой проблемы? Если обратиться к проекту ее дефинитивной нормы сведущего свидетеля [1, с. 474] в системном единстве с предложениями о показаниях сведущего свидетеля, можно заметить, что содержание определения не позволяет отличить случаи дачи показаний специалиста и сведущего свидетеля:

«1. Показания сведущего свидетеля – сведения, основанные на специальных познаниях, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями статей 187–191, 278.1 и 278.2 настоящего Кодекса.

2. Показания сведущего свидетеля могут содержать умозаключения, суждения и выводы, определяемые характером его специальных познаний.

3. Сведущий свидетель может быть допрошен о любых относящихся к уголовному делу обстоятельствах, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего и своих взаимоотношениях с ними и другими свидетелями» [1, с. 475–476].

Для сравнения, вот так данный автор определяет показания специалиста:

«4. Показания специалиста – суждения, высказанные по заданным вопросам, а также иные сведения, сообщенные специалистом на допросе, об обстоятельствах, требующих специальных познаний, или для разъяснения им своего мнения, разъяснения и уточнения данного им заключения в соответствии с требованиями статей 53, 168 и 271 настоящего Кодекса» [1, с. 476].

Совпадение налицо. Отличие указано только во фразе «разъяснения и уточнения данного им заключения». Думается, что рядовому правоприменителю нелегко будет разобраться в этих отличиях и правильно идентифицировать процессуальный статус сведущего лица, привлекаемого к участию в деле. К чему это может привести на практике – догадаться несложно. Неправильный выбор участников следственных действий, неверная интерпретация их статуса и места их показаний в системе доказательств чревата серьезными проблемами с определением доказательственной значимости получаемой информации. В связи с этим вышеприведенные предложения видятся нам недостаточно обоснованными.

Таким образом, анализ презентованных в диссертационном исследовании Е. П. Гришиной новелл, сформулированных ею в контексте обеспечения баланса частного и публичного начал, по нашему убеждению, в большей степени демонстрирует противоречивость предложенных путей оптимизации правового института специальных познаний. А это означает, что научная дискуссия в плоскости поиска адекватных решений по совершенствованию данной нормативной общности продолжается, и заинтересованные в указанной проблематике авторы могут присоединиться к обсуждению ключевых аспектов уголовно-процессуального учения о специальных познаниях на страницах данного журнала.

Список источников

1. Гришина Е. П. Концепция использования специальных познаний в контексте осуществления публичного и частного начал российского уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 481 с.
2. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2008. 717 с.
3. Внуков В. И., Зайцева Е. А. Независимая экспертиза в уголовном судопроизводстве России. Волгоград: ВА МВД России, 2008. 156 с.
4. Зайцева Е. А. Непроцессуальная форма экспертных исследований // Судебная экспертиза. 2011. № 4 (28). С. 16—24.
5. Зайцева Е. А. Вновь о специальных познаниях (в контексте анализа одной докторской диссертации). Часть вторая // Судебная экспертиза. 2025. № 4 (84). С. 110—119.
6. Латыпов В. С. Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России: концептуальные и нормативно-правовые основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2023. 507 с.
7. Громов В., Лаговиер Н. Уголовно-судебные доказательства. Москва: НКЮ РСФСР, 1929. 139 с.
8. Орлов Ю. К. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Москва: Изд-во МГЮА, 2004. Вып. 1. 29 с.

References

1. Grishina E. P. The concept of using special knowledge in the context of the implementation of public and private principles of Russian criminal proceedings. Dissertation of doctor of juridical sciences. Yekaterinburg; 2024: 481. (In Russ.).
2. Zaitseva E. A. The concept of the development of the institute of judicial expertise in the context of adversarial criminal proceedings. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2008: 717. (In Russ.).
3. Vnukov V. I., Zaitseva E. A. Independent expertise in the criminal proceedings of Russia. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2008: 156. (In Russ.).
4. Zaitseva E. A. The non-procedural form of expert research. Forensic Examination, 16—24, 2011. (In Russ.).
5. Zaitseva E. A. Again about special knowledge (in the context of the analysis of one doctoral thesis). Part two. Forensic Examination, 110—119, 2025. (In Russ.).
6. Latypov V. S. Assistance to the administration of justice in the criminal process of Russia: conceptual and regulatory foundations. Dissertation of doctor of juridical sciences. Ufa; 2023: 507. (In Russ.).
7. Gromov V., Lagovier N. Criminal and judicial evidence. Moscow: People's Commissariat of Justice of RSFSR; 1929: 139. (In Russ.).
8. Orlov Yu. K. The use of special knowledge in criminal proceedings. Textbook. Iss. 1. Moscow: Publishing House of the Moscow State Law Institute; 2004: 29. (In Russ.).

Зайцева Елена Александровна,

профессор кафедры уголовного процесса

учебно-научного комплекса

по предварительному следствию в органах внутренних дел

Волгоградской академии МВД России,

доктор юридических наук, профессор,

заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

zaitceva-expert@rambler.ru

Zaitseva Elena Alexandrovna,

professor at the department of criminal procedure

of the educational and scientific complex

for preliminary investigation in the Interior bodies

of the Volgograd Academy

of the Ministry of the Interior of Russia,

doctor of juridical sciences, full professor,

honored worker of the higher school of the Russian Federation;

zaitceva-expert@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 05.01.2026; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 19.02.2026.

The article was submitted 05.01.2026; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 19.02.2026.

* * *